

Властный президент Чэн Дунсюй сейчас был полностью поглощён мыслями о том, как юноша рядом с ним топтал голову другого человека.

Чем дольше они проводили время вместе, тем больше он понимал, насколько разными были Гу Син и Линь Чжишу.

Линь Чжишу был изящным и медлительным, любил читать и поэтому редко выходил из дома. Гу Син тоже редко выходил, но, казалось, больше из-за лени, лениво устроившись в одном месте, как маленький котёнок.

Но тот видеоролик довёл это понимание до предела.

Даже если Гу Син был похож на кошку, это была кошка, которая могла выпустить когти и ранить.

Просто, если он мог так расправиться с Гу Хаем, почему он позволял Гу Хэньюань манипулировать собой?

Или, может быть, послушание было всего лишь маской, и он изначально хотел привязаться к нему, чтобы достичь какой-то цели.

Чэн Дунсюй не любил, когда у его близких было слишком много планов, хотя на данный момент у него был только Гу Син.

Он решил, что спросит об этом после ужина.

Гу Син не стоил того, чтобы применять к нему какие-то хитрости, он не был старым лисом в мире бизнеса, где требовалась стратегия.

Можно было спросить прямо.

Учитывая, что мальчишка был довольно симпатичным, Чэн Дунсюй подумал, что мог бы дать ему то, что он хочет, будь то деньги или власть.

Если, конечно, он не будет слишком жадным.

Хотя Чэн Дунсюй чувствовал себя несколько смущённым, это не мешало Гу Сину устраивать свои дела.

Но поскольку властный президент, казалось, был не в нормальном состоянии, он начал с прелюдии:

— Чэн-гэ, я хочу тебя поцеловать.

Итак, отказ или молчание, молчание — это согласие.

Властный президент холодно ответил:

— Нельзя.

Гу Син: «...» Похоже, он поссорился с Белой Луной, властный президент тоже не всемогущ, понимаю, понимаю.

Когда он сказал «нельзя», Чэн Дунсюй повернул голову и посмотрел на Гу Сина.

Юноша с удивлением широко раскрыл глаза, как испуганное животное, а затем тихо сказал «о» и послушно сел.

На мгновение Чэн Дунсюй захотел погладить мальчика по голове, но сдержался.

Просто в его голове невольно возникла мысль, что если Гу Син искренне извинится, то даже если он был маленьким волчонком, его можно было бы приручить и держать рядом.

Гу Син чувствовал, что взгляд Чэн Дунсюя его раздражает.

Не даёшь прикоснуться, а глазами дразнишь, какой же ты скрытный!

В середине пути Чэн Дунсюй разобрал одно письмо.

Когда он снова посмотрел на юношу рядом, тот слегка склонил голову и уснул.

Сделав глубокий вдох и выдох, мужчина с благородными чертами лица слегка нахмурил брови и, в конечном итоге, подвинулся немного в сторону.

Меньше чем через минуту голова юноши склонилась на его плечо.

Ресторан, в котором они ужинали, принадлежал корпорации «Цзиньцзян».

Чэн Дунсюй и Гу Син были сразу же проведены менеджером в закрытый для посетителей зал.

Сун Цинь ужинал в соседнем зале, попутно занимаясь некоторыми делами.

Здесь под «занятием делами» подразумевалось, что если обед затянется надолго, то не стоит тратить время впустую.

Гу Син не стал, как раньше, пытаться втиснуться в объятия Чэн Дунсюя, а сначала спросил:

— Я могу сесть рядом с тобой, Чэн-гэ?

Чэн Дунсюй почувствовал головную боль, перед тем как войти, он уже слышал несколько подобных фраз.

Например, «Я могу стоять рядом с тобой?», «Мы можем войти вместе?», «Я могу заказать то, что мне нравится?»

А теперь... опять.

— Хватит уже, ты издеваешься? — Чэн Дунсюй слегка сжал затылок юноши, опустив взгляд на него. — Не шали!

В конечном итоге, в его сердце было немного злости.

Он спешил к нему, боясь, что малыш пострадает в семье Гу.

Но оказалось, что тот в частном порядке действовал решительно и без колебаний.

Чэн Дунсюй с глубокими чертами лица, когда хмурился, излучал подавляющую ауру.

Его черные глаза, как у ястреба, заставляли добычу трепетать.

Но Гу Син ничего не почувствовал, он ведь тоже был властным президентом.

Он с энтузиазмом ответил:

— Я шалил только с тобой.

Его светло-розовые губы шевелились, довольно соблазнительно.

В постели он был совсем другим человеком, пока не начинал умолять со слезами на глазах, он мог сказать что угодно, чтобы соблазнить.

Рука Чэн Дунсюя на затылке юноши переместилась, и большой палец лёг на его губы.

Медленно и спокойно:

— Красноречивый и льстивый, больше нечего мне сказать?

Ему было неинтересно слушать его откровенную ложь.

Мужчина слегка нахмурил брови и холодно напомнил:

— Топтать голову человека, приятные ощущения?

На самом деле он знал, каково это.

В юности он участвовал в драках и не раз топтал грудь, лицо или что-то ещё.

Но то, что сделал Гу Син, было похоже на то, как цыплёнок прогоняет хорька.

Невероятное зрелище!

Эх!

Гу Син подумал, что корень этой язвительности здесь, он ошибся с Белой Луной.

Если решение Гу Сина действовать против Гу Хая было мгновенным, то в половине этого мгновения он уже продумал, как справиться со всеми сторонами.

Чэн Дунсюй был одной из них.

— Откуда ты знаешь? Ощущения были приятными. — Первая часть его фразы была слегка удивлённой и уверенной, а вторая часть стала тише. — Он сказал, что моя мама... была стервой.

Затем лицо Гу Сина снова озарилось улыбкой:

— Чэн-гэ, ты заботишься обо мне?

Чэн Дунсюй впервые почувствовал, что улыбка юноши, от которой его глаза почти превратились в щёлочки, была несколько раздражающей.

Как будто... он чувствовал себя не совсем человеком.

Конечно, он знал, что раньше Гу Хай всё время издевался над ним.

Но Чэн Дунсуй не стал сразу снимать подозрения и внимательно спросил:

— Гу Хай и раньше издевался над тобой, почему ты тогда не давал сдачи, и откуда у тебя такие приёмы?

Гу Син всегда был актёром, притворяясь, что он не интересуется женщинами (мужчинами), он был недоступной горной вершиной в глазах публики.

Теперь, когда он зарабатывал на жизнь актёрством, он был актёром до мозга костей.

Итак, юноша, будучи допрошенным, поникнув головой, ответил:

— Раньше у Гу Хая были Гу Хэньюань и Цао Тун, а у меня ничего не было, даже если бы я мог дать сдачи, что с того? Меня бы закрыли на несколько дней без еды?

Несколько дней без еды?

Чэн Дунсуй почувствовал лёгкое сжатие в сердце, немного кислое и горькое, ощущение, которое он никогда раньше не испытывал, голос юноши продолжал звучать.

— А сейчас... я ударил его, и они не смеют тронуть меня.

— Приёмы я выучил у инструктора по боевым искусствам на съёмочной площадке.

— Чэн-гэ, что ты ещё хочешь спросить, спроси всё сразу.

— В конце концов, я ударил его, отчасти благодаря твоей поддержке, ты же знаешь.

— А как насчёт бильярда? У тебя такая хорошая техника, многие профессионалы тебе уступают.

Властный президент не заметил, как его голос стал мягче, а вопрос сопровождался похвалой.

— Ты действительно так думаешь? Гу Хэньюань говорил, что я трачу время на пустяки. — Глаза юноши на мгновение загорелись, но тут же потухли, когда он вспомнил. — В детстве мама играла со мной, а потом Гу Хай разгромил бильярдную дома, и я тайком выходил поиграть, никто не знал.

Гу Син не врал.

Бильярдная действительно была разгромлена, и он учился у инструктора по боевым искусствам для самозащиты.

Но кое-что он преувеличил.

Например, оригинальный хозяин тела больше не играл в бильярд, а арендовал бильярдную, чтобы вспоминать мать, а инструктор по боевым искусствам, который пытался воспользоваться ситуацией, был позже отстранён.

Когда слова Гу Сина закончились, в зале воцарилась тишина.

Рука властного президента, которая раньше лежала на губах юноши, теперь нежно прикоснулась к его щеке, как будто держала что-то драгоценное, с невыразимой нежностью и утешением.

Тишину нарушил голодный рык желудка Гу Сина.

На этот раз Гу Син действительно был смущён, его лицо покрылось лёгким румянцем, это было так нелепо, всё из-за медлительности властного президента!

В глазах Чэн Дунсюя появилась улыбка, и он обнял юношу за плечи:

— Подойди, сначала поедим.

В середине обеда он, к удивлению, сам налил юноше суп:

— Хорошо ударил. В следующий раз можешь сделать так же, я поддержу.

Властный президент, вероятно, не помнил, что это был уже второй раз, когда он обещал Гу Сину, что тот может делать что угодно, и он его поддержит.

Гу Син знал, что Чэн Дунсюй сам налил ему суп, чтобы извиниться, и улыбнулся:

— Понял, я был крут, когда действовал?

Мужчина, сидящий рядом с ним, с резкими чертами лица, расслабился:

— Крут!

— Настолько крут, что хочется поцеловать? — Юноша приблизился к уху мужчины.

Тот обнял его за талию, крепко прижал и глубоко поцеловал, хрипло намекая:

— Это собственность семьи Чэн, наверху есть комнаты.

Итак, спецпомощник Сун, как обычно, провёл весь день в соседнем зале, занимаясь делами.

На этот раз Гу Син получил удовольствие.

Удовольствие было в первой части, поскольку властный президент знал, что у него есть навыки, он мог смело прижать его к кровати и поцеловать, это было круто.

Во второй части властный президент получил удовольствие.

[Авторские примечания, комментарии или пусто]

<http://bllate.org/book/16158/1447633>